

Василий ВОРОН

Василіцькі

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Василий Ворон

Васильки

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Ворон В.

Васильки / В. Ворон — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Сборник стихов автора, больше похожий на дневник. Все стихотворения расположены в хронологическом порядке, по мере их написания. Здесь лирические стихи о любви, философские размышления, притчи: всё, о чем думал автор на протяжении 30 лет жизни. После он перешел на прозу. Содержит нецензурную брань.

Предисловие от автора

Автор считает себя прозаиком и бывшим поэтом. Писать стихи для настоящего поэта это как дышать. Для бывшего поэта Ворона это кожа змеи, с которой он расстался когда-то. Однако удобно, когда писатель кроме прозы владеет еще и стихосложением. В остальном же автор полагает стихи именно что васильками, то есть сорной травой. Хоть и красивой.

Василек на хлебной ниве – вредитель. Так же и в жизни. Сочинять заклинания, которыми автор полагает стихи, занятие опасное. Прежде всего для самого сочинителя. Автор знает, о чем говорит, потому что проверил их действие на собственной судьбе.

Поэт в России меньше чем никто. Сегодня поэзия никому не нужна. Автор не испытывает иллюзий на этот счет, но предлагает читателю просто проследить на примере этого сборника этапы становления автора как поэта. Стихи в этом сборнике бесхитростно следуют в хронологическом порядке. Занятно наблюдать, как из пылкого юноши автор превращается в обожженного жизнью человека.

Как слёток становится Вороном.

Записка на столе

Я вырванный лист из учебной тетради.
По мне скажут буквы в неровном параде.
Прошу, не спеши превратить меня в клочья —
Он выбрал меня и обязан помочь я.
Он утром к постели твоей тихо крался,
Но медлил. Будить он тебя не решался.
Сказать самому не хватило силёнок:
Он взрослый уже, но душою – ребёнок.
Он просит простить, но не ставит здесь точек —
Он скоро вернётся и сам всё закончит
1990

Колыбельная

Наташе

День уехал за границу —
Завтра должен возвратиться.
Словно выпорхнув из клетки,
Звёзды прыгают по веткам.
И Луна взялась за дело —
Даром, что ли, потолстела? —
Норовит в окно взглянуть.
Нет, Наташе не уснуть.
...Тучка в лес по небу катит.
Здравствуй, Тучка, как ты кстати!
Поиграй с Луною в прятки.
Заодно полей нам грядки.
Повиси у нас немножко.
Покажи свою ладошку,
По окну побарабань —
Без тебя грустит Герань.
...Из травы под мокрый звон

К нам залез пропавший Сон.
Кошка хвост на кресле сушит
(А потом его распушит).
Мыши спят и дремлют птицы,
Только Фонарю не спится.
Лишь к утру уснёт, потухнет.
Нам Сверчок поёт на кухне...

Спит Наташа до утра —
Значит, Тучке в путь пора.
6-11 сентября 1990

Запахи трав

Смотри, уже под ноги лёг листопад
Исписанных школьных страниц.
И зябнет душа, как покинутый сад,
С тоской провожающий птиц.

Десятками лиц безнадежно немых,
Забытым мерцанием глаз,
Сквозь рамы окон фотографий слепых
Былое взирает на нас.

Оно не поможет – о чём не проси.
Лишь редко, на снимок взглянув,
Подумаешь: хватит ли время и сил,
Чтоб встретить вторую весну?

Ты главное что-то сказать не успел,
Друзей проводив на вокзал —
Лежат среди бумажного вороха дел
Забытые их адреса.

... Крошились мелки в детских тёплых руках,
Асфальт превращался в мольберт.
Но лили дожди, отражаясь в глазах,
И в лужах топили рассвет...

На серые дни не ищите мелков,
Раскрасить их вновь не дано.
Исчезли друзья, и не видно врагов —
Прятели все мы давно.

Взгляни на толпу в переходе метро —
Нам в лица взглядеться пора.
Бывают среди пресных тоннельных ветров
Заблудшие запахи трав.
26 сентября-9 октября 1990

Притча о доброй неволе

В квартире просторной и светлой вполне,
где было на что посмотреть,
стояла на вечно открытом окне
с лесными певуньями клеть.

И вот оказалась вдруг утром одним
дверь в клеть эту не заперта.
И птица сказала другой: «Улетим!»
«Зачем? – ей ответила та. —

Взгляни за окно – тучи в небе кружат,
дождь яростно бьёт по стеклу.
А здесь – равнодушные кактусы в ряд
и кот мирно дремлет в углу.

Здесь кажется вежливым шёпотом гром —
гроза не страшна и на треть.
Зачем мне свобода с пургой и дождём,
когда есть уютная клеть?

Куда ни взгляни и ни сунь здесь свой клюв,
уткнёшься в кормушку свою.
За это неволю я нашу люблю,
и вольные песни пою.

Не вечно на улице будет весна
и тёплое лето пройдёт.
Я лучше отсюда взгляну, из окна,
на стаи и их перелёт».

«Не много увидишь за нашим окном, —
другая ответила ей. —
Ты видела мир лишь за мутным стеклом,
копаясь в кормушке своей.

Здесь вряд ли увидишь закат и восход:
бетоном простор взят в тиски;
здесь клеткою скован свободный полёт,
а вместо ветров – сквозняки.

Конечно, на воле есть злые ветра.
Но выбрать нам время пришло.
Довольно жить в клетках – вить гнёзда пора
и ставить птенцов на крыло».

...Забытая клетка стоит у окна.

Давно уж кормушка пуста.
Но птица поёт всё в той клетке одна,
а дверца ещё отперта.
15 декабря-4 января 1993-1994

Труженик и Осень

В ресторане на Арбате
Протекает жизнь моя.
Если счастье не в зарплате,
Значит вы – мои друзья.

Как-то раз тружусь на гриле,
Отгоняя аппетит.
Сзади слышу вдруг: «Василий!» —
Осень рядышком стоит

В сарафанчике багряном.
(Я уж думал, что, видать,
Был вчера я сильно пьяным.)
Тут она давай вещать:

«Что ты, Вася, расстарался?
Глянь-ка в зеркало. Поди,
Козырёк один остался,
Да значок, что на груди.

Где румянец, бодрость в теле?
Где веселье? Ты сердит.
Остаётся, в самом деле,
Лишь заправский внешний вид.

Так давай – хватай корзину
(Ведь такое раз в году!) —
Запасись пора на зиму
Тем, что вызрело в саду.

Вся земля в наряде спелом:
Оглянись – увидишь сам!
Так что, брось ты это дело
И айда со мной в леса».

Посыпая солью с перцем
То, что Бог нам в гриль послал,
Я в ответ с обидой в сердце
Из-под кепки отвечал:

«Что ты, Осень, в самом деле!
Недосуг в лесу гулять.

Весь в работе на неделе.
Мне семью бы повидать!

Утром пну будильник строго,
Нахлобучу козырёк,
Подремлю в метро дорогой —
Вот и начался денёк.

Ночью еду я с работы,
Козырёк мой – набекрень.
И прохожих до икоты
В страх вгоняет моя тень».

Отвечает Осень бойко,
Подавая мне скребок:
«Ну и жизнь: с работы – в койку.
Не годится так, дружок!

Выходные как же, Вася?
Позабыл?» Я ей в ответ:
«Есть возможность – отсыпайся.
Не проспять бы лишь обед».

Осень звонко рассмеялась:
«Милый Вася, это – бред.
Видеть в жизни лишь усталость,
Сон, работу и обед?!»

Я задумался, не скрою,
Ковырять давай в носу.
Да, осеннюю порою
Хороши деньки в лесу.

Зреет алая рябина,
Сохнут листья на дубах,
Серебрится паутина.
Вот грибник увяз в грибах.

На полянах горожане
Жарят мясо на кострах.
Что-то плещется в стакане,
Чей-то храп дрожит в кустах.

Лето женское буянит...
Бабым, что ль, его зовут?
Всё вокруг оно багрянит
И кидает листья в пруд.

Козырёк швырнуть в окошко,

Возвращаясь едва домой,
И скорее в лес с лукошком —
Ведь на то и выходной!

Так и сделал я, ребята.
Взяв корзину поутру,
От рассвета до заката
Я бродил в грибном бору.

Хоть я парень с детства прыткий,
Всё же дождь меня накрыл.
Вымок весь, как пёс, до нитки,
Словно я свалился в Нил.

Нет, не слыл я недотрогой,
Но с грибами оплошал —
Мухоморною изжогой
Всю дорогу я страдал.

Из-за клюквы на болоте
Утопил я сапоги.
Лучше б я был на работе,
Пусть в леса идут враги.

Для себя решил я лично,
Слушать женщин или нет:
Всю неделю на больничном
Просидел, напялив плед.

...За рабочими деньками
Жду теперь я выходной
(Пусть Зима гремит коньками,
Стоя за моей спиной).
октябрь 1994

Туман на дорогах

Словно грома раскат,
Среди чистого синего неба,
Вдруг напала тоска —
Не хочу, как назло, ничего.
Всё не в радость, а в грусть,
Будто сохнет средь зелени верба.
И подумалось: пусть.
Нету радости – нет и тревог.

Я стихов не писал,
А лелеял лишь те, что на полке.
Я, наверно, устал —

Голос тихий и словно не мой.
Грифель стёрт
Карандашный как зубы у старого волка.
Он уткнулся в блокнот,
Где на каждой странице – бельмо.

Нет, довольно дремать.
В самом деле, я сделал немного.
Нужно веки разжать,
Душу студит ленивый сквозняк.
Я вперёд бросил взгляд:
Утопает в тумане дорога;
Обернулся назад —
Оказалось, что пройден лишь шаг.

Я всю ночь чутко спал,
Чтобы сонную Леню одурачить.
Чуть забрезжило – встал,
А постылая, вижу, храпит.
Знаю, нужно успеть,
Чтобы в мире хоть что-нибудь значить,
И себя одолеть,
Ведь туманами путь мой закрыт.

Слышишь, Ложь? Я иду
И туман раздвигаю собою.
И я Правду найду —
Пусть реальность страшней, чем обман.
Одного я боюсь,
Что дорога вдруг станет стеною,
И что я обернусь,
А за мною – всё тот же туман.
19 июня 1994

Сам не свой

Я какой-то сам не свой —
Я меняться стал.
Самому себе порой
По лицу б я дал.

Неприветлив я хожу
Словно сто гиен.
Зубы сжав, слова цежу
Нехорошие.

Я не радуюсь давно —
Злобен стал и груб.
Нет улыбки, лишь одно

Искривленье губ.

Для того причины нет,
Все добры со мной:
Друг, приятель и сосед...
Ну, а я вот – злой.

Словно грязная рука,
Торопясь извне,
Как в карман исподтишка
В душу лезет мне.

Показалось как-то раз,
Что рука – моя,
И себя за часом час
Обираю я.

Всё скуднее мой багаж —
Больше всё улов.
Затупился карандаш
Мой от этих слов.

В это верится едва.
Может ли так быть?
Как теперь найти слова,
Чтоб всё объяснить?

Оглянулся я кругом:
Рядышком идёт
Кто-то, но – с моим лицом;
Что украл несёт.

«Эй, куда? – кричу ему. —
Отдавай назад!»
Он глядит, таща суму,
Прямо мне в глаза.

«А зачем тебе добро? —
Отвечает он. —
Всем вокруг ты платишь злом.
Что ж ты огорчён?»

Гнев уйми же глупый свой,
Мне отдай добро.
Хочешь денег за него?
Тридцать, серебром».

Злобный видел я оскал
У того хмыря,

Но добро своё забрал,
Слов не тратя зря.

Только хмырь не отстаёт,
Сзади семенит.
Ухмыляется и ждёт,
Дёнгами звенит.

И теперь к себе я строг,
И к своим словам;
Даром всё своё Добро
Людям я отдам.

15-17 октября 1994

Ода еде

В эпоху Расцвета, и в Каменный век —
От древних до наших времён —
Бродил невесёлым любой человек,
Когда бывал голоден он.

Работа не клеится будто назло,
В мозгу негде мысли блеснуть.
Поел и глядишь – дело сразу пошло,
Хоть, всё-таки, клонит ко сну.

Вздремнёшь и сквозь сон понимаешь – нашёл!
Мол, эврика! Что-то открыл.
Проснулся, и вот – колесо изобрёл,
И что-то из глины слепил;

Поэму загнул, выбиваясь из сил,
Мудрёно раскрасил горшок,
Остатками мамонта перекусил,
И снова в работу ушёл.

А тот, кто не ел почему-то с утра,
До ночи ругался с женой,
Чужое бельё непросохшее крал,
И шёл на соседа войной.

Должно́, Бонапарт, занимая свой трон,
С желудком бывал не в ладах.
И часто изжою мучился он,
И всё вымещал на врагах.

Давясь, принимал поутру рыбий жир,
Прислугу ругал и затем,
Нахмурившись, шёл завоёвывать мир.

А зубы не чистил совсем.

Давайте посмотрим скорее вокруг,
Накормим голодного. Тот
В момент переделает пушку на плуг,
А может быть, даже уснёт.

Голодным и злым быть, конечно, нельзя,
Себе и другим на беду.
Приятного вам аппетита, друзья.
Обед! Я, пожалуй, пойду...
ноябрь 1994

Сказка о Бумажном рыцаре

Не средь безлюдных диких троп,
Не в веке грубых сил —
В панельном замке у метро
Бумажный рыцарь жил.

Он долго тщательно кроил,
И шил внахлест и встык
Доспехи странные свои
Из разных умных книг.

Он неуклюж был и смешон,
Терпел от всех тычки,
И под забралом прятал он
Обычные очки;

Картонный щит носил с собой,
А вот меча не брал:
Кого-нибудь, коль грянет бой,
Он защитит мечтал.

И дама сердца у него
Была при этом всём,
Но, жаль, не знала ничего
О рыцаре своём.

Он по законам книжным жил
И потому порой
Помятым сильно панцирь был,
И щит бывал с дырой.

Но он, чудак, не унывал
И щит латал, как мог,
И зонт с собою в дождь он брал,
Чтоб шлем вдруг не размок.

Он перечитывал порой
Доспехи из страниц,
Чтоб вновь увидеть как герой
Дерётся у бойниц,

Чтоб снова сердцем ощутить,
Что правда – лишь одна,
И невозможно отступить,
Коль за спиной она.

О даме сердца он мечтал
И так, не зная сна,
Покой любимой охранял
Ночами у окна.

И снился шёпот ей сквозь сон
Листаемых страниц;
И ей во сне являлся он
В толпе плывущих лиц.

А как-то раз, когда луна
Висела над Москвой,
Она брела домой одна
По улице пустой.

Что было нужно тем двоим,
Что вышли поперёк,
Она не знала и самим
Им было невдомёк.

Закончу очень скоро я
Наивный свой рассказ.
Здесь, безусловно, рыцарь встрял
И даму сердца спас.

Но мне, поверьте, не смешно
От сказки сей простой.
Смеяться, всё-таки, грешно
Над чистой добротой.

...Он в жизни смысл давно нашёл
И многое узнал,
Но сквозь картон легко прошёл
Заточенный металл.

Я доскажу, хоть всё равно,
Быть может, вам сейчас.
Финал счастливый, как в кино,

Имеет мой рассказ.

Там был среди корешков из книг
Прочней других – один,
И нож неглубоко проник,
Царапнув по груди.

Не защитит от зла подчас
Открытого лица.
Железный панцирь вряд ли вас
Спасёт от подлеца.

Пусть наковальней для добра
Нам станет книга, друг.
И мы поймём: важней наград —
Тепло дающих рук.

...Завьёт в кольчугу кольца слов
Правдивая строка,
И станет вдруг бессильным зло
На кончике клинка.
5 марта-24 апреля 1995

Белый плен

Пришёл художник в дом ко мне
И кисть свою достал.
И разукрасил, как во сне,
Всё в яркие цвета.

Он превратил мой потолок
В лазурный океан,
А холодильник я не мог
Найти среди лиан;

Он кафель в ванной заслонил
Лугами спелых трав,
А в спальне тёплый дождь пролил,
И в реку канул шкаф.

На склонах гор торшер исчез
И вместе с ним диван.
Шумел в доме сосновый лес
И звал простор саванн.

Но как-то раз кошмарным сном,
Загнав в чулан рассвет,
Вдруг маляры пришли в мой дом
В пилотках из газет;

Всё белым выкрасили в нём
И выкрали цвета.
Мой дом ослеп и стал бельмом,
Стал вновь куском холста.

Без цвета стал я видеть сны
В молочной тьме ночей.
Я пленным стал у белизны.
Я растворился в ней.

В халате белом вновь с утра
Она войдёт ко мне,
И облака, схватив за край,
Задёрнет на окне.

Я снежным тут лежу пластом
На белых простынях.
Я слился с ними и никто
Здесь не найдёт меня.

Цветные дни вернуть назад,
Седые сбрить виски,
Не даст смирительный наряд,
Пошитый из тоски.

На белом письменном столе
Я белый лист нашёл,
И исписал в туманной мгле
Его карандашом.

Он белым резал мне глаза,
Покуда я писал.
Но я хотел ему сказать
Про то, что думал сам.

Я написал на нём про то,
Что я люблю цветы,
И пожалел слепых кротов
В их царстве темноты.

Я написал, что зелён лес —
Он должен быть таким!
А голубой – есть цвет небес:
Ему не быть другим.

Должна нам радуга сиять,
Лишь только дождь прошёл.
В конце ещё добавил я,

Что это – хорошо.

Но не нашёл с утра листок
И карандаш свой я.
Бездарен, скучен и жесток
Мир «маляров», друзья.

Мне холодильник стал врагом
За подлый свой колор.
И кафель белый утюгом
Я в ванной расколел.

Настанет день и я решусь
Прервать постылый плен.
Я кровью стены распишу
Из бледных тонких вен.
13-17 мая 1995

Командировочные страдания

1: Ностальгия

Эх, постылая эта чужбина!
Нет размаха для русской души.
Здесь тоску надо мерить аршином,
Только вот не отыщешь аршин.

Заскучал по рублям, Чебурашке,
По крикливой кукушке в часах,
По расшитой цветами рубашке
И, конечно, берёзке в лесах.

Здесь как жаркою ночью мне душно —
Не забыться спасительным сном.
Небоскрёбы мне застили душу
И скребутся холодным стеклом.

Дуня! Мне бы котлет и картошки,
И борща – наяву, не в бреду.
Я, роняя от сэндвича крошки,
Здесь поспешно жую на ходу.

Часто снятся цветы полевые,
Бабы русские... Вот где тоска!
Здесь же вотапы сплошь деловые,
Словно классная, в школе, доска.

Заработала – думай про тело,
Как дешевле всего похудеть.
До икоты мне, Дунь, надоело
В их контактные линзы смотреть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.